

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 2013.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 4, No. 2, pp. 80-82, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

UDC 93/94

Remarks by Special Operations Soldier

Timofei E. Dolgoplov

Abstract. These remarks by a former soldier of a special task unit Dolgoplov Timofey Eliseevich were published for the first time. The remarks were made during a long interview on February 16, 2001. The soldier remembered episodes while ensuring security during Teheran Conference, military operations on occupied territory, the end of World War 2.

Keywords: the Great Patriotic War; special task units; remarks.

10 мая 1941 года я был призван в военное училище, где обучался май и июнь. С началом Великой Отечественной войны все училище было брошено на фронт, и мы под Ковелем в Белоруссии приняли боевое крещение. В этом же году я был ранен, но не тяжело, второй раз был ранен под Таганрогом и для излечения находился в целом ряде госпиталей, в том числе в Баку. Страшен был первый год войны, мы отступали, бросали без топлива, танки и машины, практически постоянно оставляли местному населению тяжелораненых бойцов и командиров, легко раненые шли сами.

В начале 1942 года я прошел спецучебу и был направлен в Тегеран в составе группы из 15 человек для выполнения спецзаданий. После начала Тегеранской конференции в 1943 году, меня и двоих других сослуживцев отпустили и мы вернулись в СССР. Прилетев в Москву, нас троих разъединили, я попал на 1-й Прибалтийский фронт к Баграмяну, в отдельный гвардейский батальон особого назначения, по выполнению особых заданий в тылу у немцев.

Забрасывались по пять человек, полковник или подполковник, обязательно радистка и трое других. Цели, как правило, разведывательные, передвижение войск противника, сбор информации и так далее. Связь поддерживали и с белорусскими партизанами, с ними встречались, белорусы действительно целым народом поднялись на борьбу с немцами, освобождали и удерживали целые районы. Наносили большой ущерб противнику. Потери были очень большие. Очень глупо погиб в 1944 году, мой сослуживец Николай Кузнецов с группой, ведь знал, что в районе Львова находятся бандеровские банды, их задержали, а он признался, что они разведчики, их всех и расстреляли.

24 декабря мы втроем пошли на задание, не думал, что вернусь живым. Оставили одного с вещами около дороги, а вдвоем, разделившись, пошли в разные стороны на разведку. Возвращаемся, и, не доходя триста метров, смотрим, около дороги немцы передвигаются. Оказывается наш третий, находясь с вещами, вылакал весь спирт из фляжки, схватил автомат, гранаты и побежал к дороге. Слышно было, как ухнули две гранаты, раздались несколько очередей, и все смолкло, его убили. Немцы выгрузили пехоту и пошли по нашему следу, мы отступать, второй напарник, тоже не пошел в болото как я, а пошел вдоль болота и также был убит, в ходе боя. Пять суток я пробирался болотом, весь промок. Вышел из болота, думаю, что должен быть уже на своей территории, смотрю - три немца стоят, дал две очереди, удачно получилось - двоих убил и одного тяжело ранил,

подошел, добил последнего. Забрал у них хлеб, кстати, такой же как у нас, «бородинский», ветчину, тушенку, рому флягу, покушал и пошел дальше. Перешел речку, вышел на поляну, на ней домов десять – одиннадцать, думаю ну тут уже точно свои, зайду и обсушусь. А время уже к вечеру. Подхожу к дому, смотрю в окно, а там человек шесть мужчин, может больше, один из них повернулся, а на рукаве нашивка полиции. Я назад, недалеко от опушки они меня заметили, я очередь дал, а они преследовать не стали.

Добравшись, наконец, до своих, увидел звездочки на шапках солдат и потерял сознание, очнулся в военном госпитале. 29 декабря 1943 года я получил тяжелое обморожение, пролежав в госпиталях около семи месяцев (хотели отнять правую ногу, но спасли, впоследствии мне дали из-за этого вторую группы инвалидности). Несмотря на то, что признали инвалидом я пошел на фронт добровольцем. Пошел я потому, что хотел отомстить за родного брата, в начале войны он командовал пограничной заставой, был ранен и находился на излечении у нас дома на Кубани в станице Каневской. С приходом немцев он ушел в подполье, но был предан своими же земляками-предателями, среди которых оказался и председатель колхоза. Брата и 16 летнюю сестренку мою, полицейские убили. В живых осталась одна моя мать, однако, бывший председатель вбил в нашем огороде колышки и запрещал на нем что-либо сажать, и если бы соседи не подкармливали ее, она бы непременно умерла от голода.

После ранения под Витебском я попал на 1-й Белорусский фронт, который возглавлял сперва Рокоссовский, а затем Жуков. Сначала я находился при штабе, но позднее меня направили в минометный батальон. Лучше всего из тех операций, в которых я участвовал, была спланирована операция по прорыву на Одере. За 15 дней мы прошли 500 километров, окружив Познаньскую группировку противника, одно там было плохо, когда группировка прорвала окружение, то она вышла в непосредственные наши тылы и нам пришлось очень туго. На Одере получилось так, что мы втроем трое суток держали оборону, а когда нас подменили, меня направили к Берзарину Николаю Эрнестовичу, командующему 5-й ударной армией, для прохождения учебы на офицерское звание. Однако от боев наш собранный контингент не освобождался, и мы продолжали участвовать в боевых действиях.

По поводу власовцев, нам приходилось многих брать в плен. Был случай, когда наша часть окружила за Варшавой с четырех сторон 300 власовцев, они тут же оружие побросали и сдались, говорят: «нас заставили окопы здесь рыть». Власовцев направляли в спецлагерь на территории Польши ближе к границе Советского Союза, там их и проверяли, кто сам сдался в плен, а кто случайно попал. Последним давали до 12 лет лагерей, а первых, как и власовцев-смертников, как правило, расстреливали. Со смертниками также доводилось сталкиваться, это были звери, они до последнего стояли, покуда их не добивали в окопе. Много власовцев было прибалтийских, украинских, с Кубани и впоследствии нами были разгромлены даже калмыцкие полки. Поражение наносили и чеченским полкам, после этого их перебросили во Францию и Италию для продолжения войны. Наш орган СМЕРШ раскрыл преступление крымских татар, которые в Крыму вырезали 5 тыс. наших военнопленных, целый лагерь. За что эти народы, впоследствии и повывесляли: калмыков, крымских татар, чеченцев, кабардинцев и так далее.

С власовцами приходилось сталкиваться часто, они до последнего обороняли Берлин, а летом 1944 года я получил ранение под Витебском, который удерживали власовцы, находясь в полном окружении*. Власовцы занимали позиции во всех 11 укрепленных районах, каждый из которых имел полную линию обеспечения, включая противотанковые рвы, колючую проволоку, окопы и огневые точки. Наши части их уже обошли со всех сторон, взяли Оршу, подошли почти к Минску, а власовцы не сдавались. Бои там были тяжелые. Позже Гитлер издал приказ из власовцев создать заградотряды и в случае отступления немцев, загонять обратно их в траншеи или расстреливать. Особенно были жестокими власовцы с нарукавными нашивками в виде андреевского флага и треугольника как у казаков.

Во время штурма Берлина мне довелось участвовать в штурме рейхстага, очищать его первый этаж. Когда здание было очищено, мною была оставлена мелом на колонне надпись и углем на стене «Дата и фамилия». Боевые действия я закончил в Берлине, 8 мая 1945 года.

* Речь идет о 6-м латышском корпусе СС, который оборонял город – Ред. ВС.

Будучи в почетном карауле мы встречали английскую, американскую и французскую миссии для подписания капитуляции. Туда же прилетел и Кейтель со своим штабом. В здании высшей академии СС “Адольф Гитлер” была и подписана капитуляция, это случилось почти в 12 часов дня. Из здания вышли руководители и повсюду зажглись огни, началась сильная стрельба в воздух, однако, так как мы стояли в почетном карауле нам стрелять было нельзя. 9 мая в 8 часов утра мы проводили английско-американскую миссии, через 40 минут проводили французскую миссию, а потом наше командование поблагодарило нас за исполнение функции почетного караула и организовало для нас праздник. После этого был проведен парад победы в Берлине от Рейхстага до Бранденбургских ворот, в котором участвовала и наша группа, особая часть полковника Лебедева. Этот парад принимал Берзарин, командарм 5-й ударной, Жуков. Должны были мы участвовать и в параде победы в Москве, но Берзарин случайно погиб, разбившись на мотоцикле, и нас в Москву не отправили. Провожали мы Берзарина до аэродрома почетным караулом, в котором стоял и я.

После войны с Германией, были собраны все четырехмесячные офицеры (прошедшие ускоренные курсы офицеров) и отправлены в Японию. Переправляли нас секретно в госпитальных поездах, с красными крестами. В начале и в конце поезда стояли открытые платформы, на которых находились по одному 76-мм орудию и пулеметы, на случай всякого рода обстоятельств. Помимо этих мер, вперед пропускался еще эшелон демобилизованных, за ним только мы. На территории Польши, поляки пускали против наших поездов свои поезда, для столкновения. Под Варшавой всех наших предупреждали, что ни фрукты, ни вино, ни чего у населения не брать. Однако, в одном вагоне демобилизованные взяли у поляков вино и все насмерть отравились. В Москве, где мы находились около суток, перед нами выступил генерал армии, который сказал, что раз мы выполнили одну боевую задачу, то нас отправляют выполнять другую. Доехав до Свердловска нас настиг другой приказ – об отправлении нас в Москву. Приехали в Москву, получили приказ следовать в город Глазово Пермской области для повышения квалификации сроком на один год. В это время вышел указ Ворошилова о том, что кто имеет тяжелые ранения или три ранения может ехать домой, независимо от того солдат или офицер. На этом основании по нашей просьбе нас пятерых и освободили. Однако домой сразу непустили, а дали по два вагона солдат новобранцев и мы их стали развозить, часть сдали в Бухаресте, часть сдали в Софии, а остальных сдали в Будапеште, а потом вернули нас обратно в Софию. Кстати болгары к нам относились очень тепло, в отличии от румын. Помню в Румынии, стоим мы втроем на перроне, и подошла к нам капитан медслужбы наших частей. И вот поезд подходит, и два румына выскочили и толкнули ее под колеса, ее тут же и перерезало. В Румынии нас предупреждали, чтобы даже по десять человек в глухие районы не заходили. Примерно также к нам относились и венгры, а вот болгары нормально. Из Софии нас 25 декабря 1945 годапустили домой, куда я и добрался 1 января 1946 года [1].

Примечания:

1. Из интервью с Т.Е. Долгополовым от 16.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.

УДК 93/94

Записки осназавца

Тимофей Елисеевич Долгополов

Аннотация. Впервые публикуются воспоминания бывшего бойца частей особого назначения в годы Великой Отечественной войны Долгополова Тимофея Елисеевича. Воспоминания записаны в ходе глубокого интервью 16 февраля 2001 г. В воспоминаниях нашли отражение эпизоды обеспечения безопасности Тегеранской конференции, боевых действий на оккупированной территории и завершения Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; войска особого назначения; воспоминания.